

Ю. Воложанин

О Д А Р Ё Н Н Ы Й

Предыстория этого повествования начиналась в городе Сретенске. Это было давно, по меркам жизни человека; и не так давно, по меркам быстротекущего времени.

Гоша Шувалов, будучи юным человеком, приучил себя к ночным купаниям в реке Шилка. Юноша увлёкся этим необычным занятием не от какой-то прихоти, баловства или чьего-то повеления – нет, он и сам того не замечая, увлёкся этим занятием лишь только потому, что некие обстоятельства так распорядились.

Известно, что купание полезно, а в ночной воде – тем более, что подтвердилось в дальнейшей жизни нашего героя. Но и эту цель он не преследовал, ибо молодость бесшабашна, и о здоровье, а тем более полезности чего-то совсем не думает.

Гоша, как и большинство мальчишек тех времен, увлекался спортом. Но не тем управляемым, организованным спортом, что мы видим сегодня, а стихийным – без тренеров, спортзалов, площадок и инвентаря. В этом небольшом, компактном, бывшем купеческом городе казалось, все пацаны только тем и занимались, что купались в реке, да играли в разные спортивные игры. И всё это происходило до самой ночи.

Река Шилка здесь широка, многоводна и спокойна. Появляется она из-за гор, течет вдоль города, что раскинулся на её правом берегу; течет гордо и величаво, стараясь показать себя во всей своей красе. И вновь уходит за горы, поджимающие её внизу по течению, в пяти, шести километрах от города. Шилка судоходная река, а поэтому здесь есть и пристань, и затон, и управление речного судоходства. Вернее были в те далёкие времена. Ходили здесь большие грузопассажирские пароходы «Муром», «Пахарь», и разнокалиберные катера, таскавшие длинные баржи.

Гоша Шувалов жил на улице Набережная в двухквартирном доме с отдельным входом и небольшим хозяйственным двориком. В этом дворике его родители умудрились соорудить коровник с выгоном для скотины, но не для прогулки, а чтобы она, эта скотина, состоящая из одной комолой коровы, могла подышать свежим воздухом и подождать, когда хозяева очистят её жилище от шевяков. Был тут и огородик, который летом использовался для зелёной мелочи, а зимой для хранения сена. Над коровником, (стайкой, как здесь часто зовут эти небольшие коровьи жилища), был сеновал, который в летнее время никак не использовался, пустовал, и лишь глубокой осенью заполнялся соломой, которая потом ис-

пользовалась для подстилки скотине. Вот этот-то сеновал служил Гоше летним пристанищем. Из проволоки и верёвок он соорудил здесь великолепный гамак, затащил старый диван, тумбочку; в закромах старых вещей нашел старинный ковёр с намалёванными лебедями, плавающими не то в озере, не то в луже; стены облепил разноцветными журнальными картинками в большей части на морскую тематику, где обязательно присутствовали корабли, катера и, конечно же, море. Получилась уютная комната, где было просторно, свежо и прохладно; а главное – свобода, маленькая, но свобода, о которой мечтают все подростки на свете. Из душевной, небольшой квартиры на пятерых Гоша переселился сюда, не встретив ни малейшего возражения со стороны родителей. Мать же, кажется, была рада этому, ибо будить его рано утром, чтобы угнать корову в стадо было удобнее, не причиняя беспокойства другим членам семьи. И, после дойки, мать поднималась на сеновал и черенком граблей бесцеремонно будила, крепко спящего, Гошу, подняться которому с уютного, ласково обнявшего его гамака, было очень трудно. А с вечера, вдоволь набегавшись за день, Гоша, прежде чем улечься спать, спускался к реке и купался до самозабвения. Тёплая, как молоко, вода дружелюбно принимала его в свои объятия, ласкала, нежила и долго не отпускала.

Нет ничего приятнее, чем купаться в реке ночью! Бесподобная ласковость воды, тишина вокруг и таинство глубины вызывают ощущение полёта; навивают восторг и радостное ощущение слияния с природой, пробуждают чувство уверенности в себе, и, наконец, дают возможность самоутвердиться в этом непростом мире. Вода снимает накопившуюся за день усталость, заставляет забыть всё неприятное, что повстречалось на твоём пути, приглушает извечную тревогу в душе, делает человека «новеньким», как будто только появившимся на свет. Вода любит человека, если, конечно, он любит её. И неправильно думать, что вода это неживая жидкость и существует в природе лишь только для того, чтобы поливать растения и утолять жажду. Нет, вода это живое существо, как и всё, что нас окружает. Человек по своей природе эгоист и его эгоизм заключается в том, что он считает себя е д и н с т в е н н ы м живым существом, а всё другое (кроме, конечно, остальных движущихся существ) мертвой, безжизненной субстанцией. Человек, будучи уверенным в этом, совершает большую ошибку, не сливаясь с природой хотя бы на равных, не говоря уже о том, чтобы подчиниться ей, ибо она, природа-то, выше, так как порождает его. А мертвое, как известно, не может породить живое. Живое рождается от живого, а значит всё, что нас окружает (в том числе и сама планета) – е с т ь ж и в о е н а ч а л о.

Гоша, в силу своей молодости, не осознавал этого, но каким-то внутренним, неведомым ему чутьём чувствовал, что река несёт в себе

какие-то жизненные силы, что-то разумное кроется в её водах. И, как-то само собою получилось, что он стал разговаривать с рекою, призывая её тоже говорить. И она отвечала тихим шепотом о прибрежную гальку, ласковым шелестом о склонившуюся над нею листву деревьев, журчанием на перекатах, и недовольными всплесками при ударах о валуны. Больше же всего Гоша любил её тихое, «штилевое» состояние, когда она мирно и безропотно несла свои воды, давая ему свободу размышлений и осознания себя частью природы, которую и олицетворяла река.

В воду не следует погружаться медленно, ибо теряется ощущение приятности общения с нею. Медленно надо подходить, чтобы подготовить себя к приятной встрече с нею; в воду нужно нырять резко, проходя при этом барьер медленного привыкания. Твоё тело не успевает опомниться, как оказывается в водной стихии, не требуя какой-то подготовки; оно, это тело, сразу же, незамедлительно сливается с водой. И эта совместимость с водою и есть то, что называется блаженством. А блаженство – есть предвестник хорошего настроения, и здоровья тоже. Здоровье же – главное начало, что необходимо в жизни человека. И она, эта вода, дарит человеку здоровье, дарит надолго, если с нею не расставаться. Вот поэтому-то вода требует к себе бережного отношения. Ведь нечистая вода – больная вода, а больное здоровье не дарит. Кроме чистоты вода, как и всё живое, любит свободу. Природа создала её свободной, и никто не должен отбирать у неё эту свободу. Разные перегородки, отведения, ответвления и плотины – есть безжалостное лишение её свободы, а значит вероломное вторжение в творение природы. Вода, естественно сопротивляется этому, а разбушевавшись, приносит немало бед человеку. Вода многое даёт человеку, а поэтому и человек тоже должен давать ей многое, а главное – он не должен, активно вмешиваться в её естественный жизненный процесс.

Гоша был здоров, и никакие болезни к нему не приставали. Он не знал что такое простуда, которая порождает много других болезней; не знал никаких нервозных состояний, которые являются причиной ослабления иммунитета, а значит сердечнососудистых заболеваний. То есть, как говорят, он был здоров, как бык.

Но однажды, когда Гоша уже был Георгием Алексеевичем, то есть человеком весьма зрелого возраста, и когда прошел достаточно много «крымов» и «рымов», когда уже имел «полную чашу» в своём доме, он вдруг забыл об этих заповедях, то есть, что к воде надо относиться бережно и с любовью. Его дача располагалась на берегу прекрасной горной речки Кишиха, вода в которой была чиста и светла, как слеза; богата примесью таёжных запахов и полезных растительных веществ, которые собирала из бурных ключей, стекавших к ней с таёжных гор. А своё название «Кишиха» она получила потому, что когда-то кишела рыбой

разных видов, вплоть до тайменя – царя забайкальской рыбной фауны. А ещё Кишиха – речка с крутым нравом и непредсказуемым поведением. Она могла быстро иссохнуть и оголить свое дно даже там, где этого нельзя было ожидать, и мелкими ручейками пробираться между донных камней, оставляя рыбе только самые глубокие ямы в заводях и под крутыми скалистыми берегами. Или вдруг поднимала воды до краёв и с шумом, со скоростью поезда в метро мчалась вниз, порою выскакивая из своего русла и сметая на своём пути всё, что ей попадало на пути; а прибрежные дороги и дорожки превращала в овраги и овражки. И нельзя сказать, что она делала это беспричинно, нет, она делала это со зла, – «невестке в отместку», то есть мстила людям, что её русло и берега загнивали всякими отходами и мусором, что бесцеремонно хозяйничали в ней самой и по берегам. Но в большинстве своём – это мирная, тихая и ласковая речка. Только уважай, люби ее, и она ответит тебе тем же.

Георгий Алексеевич продолжал купаться ночью, укрепляя и без того отменное своё здоровье. И Кишиха в достатке давала ему этого здоровья. Но человеку всегда чего-то не хватает, ему достатка мало, и он старается приобрести его ещё и ещё. Это, как богатый человек: как полно не набиты его карманы, а подавай ещё. Хватит! Этого слова не сказал ещё ни один богатый человек. Георгию же Алексеевичу в этом достатке не хватало всего какой-то малости. В ночных плаваниях ему всегда мешала берёза, низко склонившая свои раскидистые ветви над водою. Он, то и дело, путался в этих ветвях, и злился, когда они царапали его. «Обломаю!» – уж сколько раз угрожал он этой берёзе. И, в конце концов, не только обломал, но вовсе спилил её. Это было глубокой осенью, когда лёд на речке окреп, и по нему можно было ходить, Георгий Алексеевич взял пилу и пошел расправляться с этой берёзой. Пила была самодельной и изготовлена из половины полотна стандартной двухручной, называемой в народе «дружба два». А поэтому этот толстое и промёрзшее дерево он пилил долго и тяжело. Дерево, которое стоит прямо, позволяет допилить себя до конца, и уж потом только падает. А эта наклонная берёза дотерпела до половины, вдруг со страшным треском обломилась и верхушкой ударилась о лёд. Ствол при этом развернулся и комлём ударил Георгия Алексеевича по ноге, отчего тот рухнул на снег, как подкошенный. От сильной боли из глаз посыпались искры, как фейерверк. Ступать на ногу он не мог, и кое-как добрался до дачи. А там он обнаружил, что нога сломана. Вот и отомстила берёза человеку, за его коварную прихоть. И похоже не одна она это сделала, а вместе со своей неразлучной подругой речкой, которая услужливо подставила ей свой ледяной панцирь, сыграв роль батута.

Теперь плёс осиротел – не с кем ему было ласково шептаться дни и ночи напролёт. И он ждал своего часа, чтобы ещё крепче отомстить человеку.

Георгий Алексеевич же не понял, сто это было ему предупреждением, и не придавал особого значения происшествию. Наоборот, он ещё больше усугубил отношение с речкой, оставив не льду не убранными не только ветки спиленной берёзы, но устроил тут некую свалку для мусора, накопленного за лето на даче, полагая при этом, что весенний ледоход всё унесёт. А следующим летом он ещё больше обидел свою благотельницу. Как-то ему понадобился переход на другой берег речки, и, чтобы не прыгать по камням-валунам, он опять спилил дерево. Теперь это была огромная лиственница, которая своим могучим стволом перегородила речку, и по которому, как по мосту, появилась возможность переходить на её другую сторону. Но ненадолго. Как-то речка разбушевалась и выбросила ствол на песчаную отмель, которая узким клином в неё входила. Речке стало от этого вольготнее, но не лучше, ибо весь мусор, который она несла в своих водах, теперь тормозился здесь, на косе, и создавал неприятное зрелище. И не только зрелище, но и загрязнял её, разложениями этого мусора. И речка решила... Однажды ночью она подняла свои воды, закружила в шиверах, забурилась в валунах, сердито заплескалась о крутые берега. И стала ждать... Георгия Алексеевича она поджидала... И он появился. Появился, как обычно, в двенадцать часов. Было темно «хоть глаз коли». Но Георгия Алексеевича это не волновало, так как всё, до камушка, ему тут было знакомо. Речка, казалось, была всё так же приветлива, и манила в свои прохладные, травянисто-ароматные воды. Георгий Алексеевич повесил на куст полотенце и направился к плите, с которой обычно нырял в воду. На плите он постоял, вгляделся в беспокойную воду, прислушался к её своеобразным голосам, втянул свежий, пахнущий тайгой, воздух. На душе было почему-то тревожно, чего раньше никогда не наблюдалось. Чем это было вызвано – не мог определить: то ли речка была не так приветлива; то ли, вдруг откуда-то взявшийся, неприятный ветерок не ласково его погладил; то ли прибрежный лес нашептывал что-то непонятное, и, казалось, недружелюбное. То есть, определённого вывода тут не было. Но Георгий Алексеевич пришел сюда не для того, чтобы разбираться в своих ощущениях, а для того, чтобы в очередной раз повстречаться со своей любимой речкой и оказаться в её удивительных объятиях, очищающих его от всех дневных нагрузок и стрессов, которые непременно накапливаются к вечеру; и просто – чтобы ощутить радость общения с этим великолепным творением природы. И он нырнул. Вода распахнула свои объятия... На этот раз объятия были не такими приветливыми и ласковыми, как раньше, и недружелюбными, пожалуй. Если раньше тело врезалось в воду равномерно и мягко, то теперь, словно неведомая рука, тя-

нула его в сторону туда, где над острой верхушкой, похожим на пирамиду камнем, кружила воронка. Георгий Алексеевич знал об этом коварном камне, и несколько раз вскользь задевал его; но тут он пошел на него напрямик, головою. В экстремальных условиях мозг человека работает очень быстро, но той доли секунды, которая была отведена Георгию Алексеевичу, не хватило, чтобы что-то предпринять. И он ударился об этот камень. Из глаз брызнули искры, но боли ощутить он не успел, так как сознание покинуло его...

Очнулся Георгий Алексеевич на той самой косе, где теперь застряло дерево, которое он спилил. Собственно дерево его и задержало, и помогло воде вытолкнуть на косу; не совсем, конечно, а так, чтобы его голова оказалась на небольшой возвышенности, образованной из древесных сучьев, разного мусора и песка, чтобы, грешным делом, он не захлебнулся. Он и сейчас боли не чувствовал, так как холодная вода снимала её. Единственно, что он сейчас почувствовал, это тёплые струйки воды, растекавшиеся по лицу. Его это удивило: откуда же в прохладной воде может появиться тёплая? В голое шумело, и ясности мысли ещё не было; сознание находилось в промежутке между явью и бредом, как между сном и бодрствованием. Вода то прибавляла, то убавляла натиск, отчего тело Георгия Алексеевича покачивалось из стороны в сторону, как бревно-топляк прибитый к берегу. Он лежал на спине, прижав руки к телу, вытянувшись, как солдат по стойке «смирно», не смея, пошевелили ими, словно боясь нарушить это ритмичное, убаюкивающее покачивание.

Небо было затянуто облаками, лунный свет не мог пробиться через них, поэтому вокруг стояла крошечная тьма; создавалось впечатление, что он лежит под плотным одеялом, накрытый с головою. Глаза сами собою закрывались, понимая свою ненужность – ведь, всё равно, ничего не видно. Но вдруг вода ударила с большой силой, подражая тем самым морской девятой волне, и крепко прижала его тело к дереву. Только сейчас Георгий Алексеевич почувствовал нечто наподобие того состояния, когда на тебя навалилась «куча мала» из той игры детства. Дышать стало тяжело, в голову ударила кровь, казалось, что рёбра вот, вот затрещат. Но это состояние быстро прошло, так как вода сбавила своё давление и, как боксёр после нападения, отошла на исходную позицию. Сознание Георгия Алексеевича прояснилось, но он всё ещё не мог понять – что, же с ним всё-таки произошло? О том, что находится в воде – было понятно. Но как он сюда попал? И почему лежит без движения? Пошевелил ногами, руками и убедился, что с ними все в порядке. Попытался поднять голову – не получилось, так как резкая боль не дала это сделать. Затем на него навалился страх, а за ним отчаяние от безвыходности. Он сделал попытку перевернуться, но всё та же боль в голове, а также в шее

не дала возможности это сделать. В голове вдруг появилось странное сравнение: «Я беспомощный, как утка», - вспомнив при этом одну из детских забав, когда они с пацанами ловили домашних уток, переворачивали их на спину и с издевательским улюлюканьем ждали, когда они станут на ноги. Порою утки делали это очень долго, и пацанов такая забава непременно веселила. «А кто же со мною так забавляется?» - с горечью подумал он. Ему показалось, что около тоже кто-то «улюлюкает» и злорадно посмеивается. А когда хорошенько прислушался, то понял, что это вода издает такие звуки, накатываясь на песчаную косу и ударяясь о дерево. На душе от этого не стало легче, поселившаяся тревога никак не отступала. Он пробовал кричать, но всё та же тёплая вода, что стекала по лицу, а также заполнившая рот, не давала это сделать. Он пытался освободить рот от этой воды, но она вновь мгновенно его заполняла. Запах этой воды отличался от обыкновенной: она была вязкой и сладковатой. А появлялась она не снаружи, а изнутри, как это происходило, когда разобьёшь нос. Нос...Нос... Ах, да! Он понял, что разбит нос и сильно кровоточит. Конечно же это кровь, а никакая там «тёплая вода». А почему течёт по лицу? Здесь появилась худшая догадка, догадка о том, что у него разбита голова.

Страх от беспомощности и оттого, что истечёт кровью, усилился, и Георгий Алексеевич стал лихорадочно думать, что делать, как спастись. Ценою огромных усилий, преодолевая сильную боль в голове, он, наконец, перевернулся на живот, и попробовал встать. Но силы и воли не хватало, чтобы превозмочь всё усиливающуюся боль. От боли и слабости он на какое-то время терял сознание, а придя в него – вновь пытался что-то сделать, чтобы не оставаться на месте и не ждать, когда истечет кровью. В какой-то момент ему удалось приподняться на руках и немного продвинуться вперёд, к берегу. Он пополз вдоль косы по границе между сушей и водой – так было легче, так как вода и мокрый песок не создавали особого препятствия, а наоборот способствовали продвижению. А ближе к берегу, где вода перехлёстывала косу, речка оказала Георгию Алексеевичу ещё большую услугу: своим напором она услужливо подталкивала его вперёд. Наконец он докарабкался до берега. Хотя берег был крутой, но он был сглажен постоянным выходом речки из русла. У Георгия Алексеевича появилась надежда выбраться на берег. Но возможность такая была утрачена, когда он своим телом смочил и сделал скользкой траву, покрывавшую склон берега. Ему, всё-таки, удалось немного подняться, но , в какой-то момент, не удержался и, словно с ледяной горки, соскользнул обратно. Другие попытки также не увенчались успехом. Вскоре он выбился из сил и вновь потерял сознание. Последнее, что мелькнуло перед его глазами – это блуждающий луч фонаря...

Георгий Алексеевич никогда не лежал в больнице, ни на какие медосмотры не ходил, таблеток не пил, ничем не болел. Случались, конечно, какие-нибудь травмы, но с ними он справлялся самостоятельно. Его крепкий, здоровый организм, без какой-либо помощи, сам надёжно зализывал все раны. Его внутренняя «фармацевтическая фабрика» работала отменно и никогда не ошибалась в предоставлении организму тех или иных лекарств. У него всё заживало, как на собаке, исключая даже «зализывания» ран, то есть применения каких-либо мазей, вазелинов и других противомикробных средств. Правильная реакция организма и чистая вода – вот и всё тут лечение. Ну и, конечно, народные средства. Если дело касалось каких-то внутренних недугов. К примеру, в детстве Гоша, как и все пацаны, не сидел на месте – подвижные игры, бесконтрольный, порою самовыдуманный спорт, были одним из основных повседневных занятий. А там и разные травмы их обязательно сопровождали. Однажды эти «спортсмены» соорудили турник, то есть перекладину, закрепив между двумя деревьями лом. И стали тренировать кое-какие гимнастические приёмы. Самым заветным достижением тут было «солнце», то есть полный оборот на вытянутых руках вокруг этого самого турника. Кое-кому удавалось раз, другой перевернуться. Но Гоша сорвался с самой верхней точки, когда у одного из креплений этого лома разогнулись гвозди. Головы у пацанов, как правило, крепкие и Гоша всего лишь стряхнул её, то есть получил сотрясение головного мозга. Правда, сильное сотрясение, отчего несколько дней провалялся в постели с ужасными головными болями и рвотой. Ложиться в больницу он категорически отказался, и лишь доверился бабке Акулине, которая числилась в посёлке хорошей знахаркой и умелицей выправлять и поправлять всё на свете. Прежде чем править голову бабка тщательно готовилась. Она размотала бинт, зачем-то долго его рассматривала и разглаживала; кончик черного карандаша мусолила во рту, сладко причмокивая, как будто не карандаш это был, а конфетка. Затем крепко обтянула голову бинтом, словно обручем, и занялась разметкой. Карандашом делала пометки на лбу, висках и затылке, при этом тоже причмокивала губами. Всё это она проделывала мягко, ласково, прижав Гошину голову к себе. Вскоре Гоша расслабился, задремал, а потом и вовсе уснул, и не чувствовал, как бабка лечила его голову. Очнулся он оттого, что бабка Акулина сильно потрянула его за плечи и сказала: «Ну, вот и всё. Головушка твоя на месте!» И верно, полежав несколько минут, Гоша встал без головной боли и тошноты, как новенький.

А что касается психологических травм, то здесь большим спецом считалась бабка Матрёна, которая снимала всякую порчу колдовским нашептыванием на воду. Однажды Гоша тоже был её пациентом. Посё-

лок, где он жил, был разделён большим естественным парком; одна часть посёлка была «жилой», другая «рабочей», где располагалась шахта. Парк был около двух километров шириной и бесконечно длинным; местами он был непроходимый и дикий, как тайга. Вот тут-то пацанва и находила себе различные игры. На этот раз они затеяли нестандартную игру: что-то между прятками и ловлей бандитов, скрывавшихся в этой тайге. Гоша играл роль розыскника. Исполняя эти обязанности, он углубился в лес, долго ходил и вышел на поляну, где росли две большие разлапистые сосны. Он осмотрелся, но никаких «бандитов» тут не было. Но зато на одной из сосен, вернее на её нижней толстой ветке, прижавшись спиной к спине, висели две девушки. Волосы их были растрёпаны, остекленевшие глаза навыворот, изо рта, словно дразня кого-то, высовывались синюшные языки. С перепугу Гоша бросился наутёк, и побежал не в сторону «штаба», а в другую, и не поперёк парка, как это надо было сделать, а вдоль него. Ну и заблудился, конечно. Домой он пришел в сумерках, был измучен и вёл себя как-то странно: молча, тщательно осмотрел все углы, закоулки и лег в постель, накрывшись одеялом с головою. Всю ночь его трясло, во сне что-то кричал, и был словно в бреду. На следующий день вызвали врача, но тот ничего серьёзного не обнаружил, заключил, что парень сильно переутомился, и выписал успокоительную микстуру. Но странности в поведении Гоши продолжались. Тогда-то и пригласили бабушку Матрёну. Она его осмотрела, покачала головой, поцокала языком и сказала:

- Испуг. Шибко большой испуг, - и направилась к двери, - я сейчас, живой водички принесу.

Вскоре принесла эту «водичку», налила в кружку и стала что-то нашептывать. Потом стала брызгать на Гошу, скороговоркой приговаривая при этом свои колдовские заклинания, из чего только и можно было понять, что парень непременно и скоро поправиться. Затем дала ему отхлебнуть несколько глотков, уложила в постель и наказала:

- Сейчас засыпай и спи до утра! А утром станешь совсем здоровым.

А утром Гоша и вправду проснулся здоровым.

Были в жизни Гоши, а потом и Георгия Алексеевича, и другие случаи, связанные с какими-то телесными или психическими травмами, но всё это как-то проходило или излечивалось самим его крепким организмом.

Но сейчас Георгий Алексеевич был достаточно сильно травмирован, да так, что полученные травмы не поддались бы самолечению, даже такого крепкого организма коим он обладал. Он лежал в отдельной палате (как потом выяснилось – в реанимации), с забинтованной головой вместе с лицом, и жестко зафиксированной шеей. И, как полагается, под

капельницей. Перед глазами – только потолок, да часть стены – больше ничего. Ему было неловко, неприятно и тоскливо. А гробовая тишина, да запах больницы ещё больше усиливали эти чувства. Приходила медсестра, молча поправляла подушку, проверяла капельницу и уходила. Приходил и врач в сопровождении всё той же медсестры, щупал пульс, заглядывал в глаза, словно выискивал в них ответ – как долго его пациент будет выздоравливать; и заканчивал осмотр одними и теми же словами: «Ну, ну...». А что это означало, Георгию Алексеевичу было совсем непонятно. Так прошел день, другой, а на третий Георгий Алексеевич, всё-таки, спросил:

- Доктор, что со мной?
- Вы травмированы, мил человек.
- Травмирован серьезно?
- Если б не было серьезно, то не лежали бы здесь.
- Какие травмы?
- Потом узнаете, мил человек. А пока лежите спокойно, не волнуйтесь.

А с вопросом – как долго ему здесь лежать, он несколько раз обращался к медсестре. Но та только пожимала плечами и отмахивалась. Однако вскоре, как бы по секрету, сообщила:

- Завтра вас будут оперировать. Готовьтесь...
- Это известие не столько расстроило, сколько озадачило Георгия Алексеевича.
- А что оперировать-то будут? – спросил он.
- Есть что, - ответила медсестра. – Михаил Аркадьевич вам расскажет.
- А готовиться, это как?
- Готовиться – значит настраивать себя на операцию.

Георгий Алексеевич больше не стал задавать вопросы, так как боялся показаться слабым, или даже трусливым человеком; хотя внутри что-то гаденько поднывало, беспокоило.

Человек всегда страшиться чего-то нового, неизведанного, а тем более, когда дело касается каких-то манипуляций с его телом. Но не страх сейчас возобладал в сознании Георгия Алексеевича, а неизвестность того, что будут оперировать - голову, руки, ноги, или ещё что? Он путём исключения стал определять, что может быть объектом этой самой операции. Пошевелил руками – всё нормально: ногами – тоже. А вот голо-

вой пошевелить не смог, так как резкая боль не дала это сделать. «Значит, здесь и кроется моя беда» - с горечью подумал он.

Ночь он почти не спал, а если и засыпал, то ненадолго, и казалось, что тут же просыпался. Мысли были расплывчатыми, незаконченными и не ясными, а порою – какими-то абсурдными, особенно в пограничное время между сном и явью. Но больше думалось об одном: что, же всё-таки, случилось с головой-то? Раскол, пролом черепа? Или ещё что? Но это «ещё что» в конкретную форму не определялось. И не было даже предположения – что же может быть ещё-то с головою? Но вдруг вмешивалась неотвратимая боль, убирала такие раздумья и заслоняла собою. А когда отступала, то они, эти раздумья, долго не могли появиться, и вновь выдвинуться на передний план. Однако перед рассветом Георгию Алексеевичу удалось заснуть, да так, что появился сон. Ему приснилась сё та же речка Кишиха. Но была она не ласковой и приветливой, а злой и разбушевавшейся. Вместо волн у неё были длинные холодные руки; было и лицо – ребристое и отвратительное; и голос – злой, хриплый, раскатистый. И говорила она что-то непонятное, угрожающее, как будто в чем-то его обвиняла. И в этом заключался весь ужас сна, так как для человека нет ничего страшнее, чем беспричинная, вдруг, ни с того, ни с сего возникающая, ненависть любимого им существа. А речку эту Георгий Алексеевич любил нежно и беззаветно. Сон оборвался быстро и не был оконченным. Георгий Алексеевич проснулся в холодном поту и, хотя сон ушел, но тревожное состояние, порождённое им, еще долго не отпускало.

А утром пришел врач и буднично, словно речь шла о чем-то обычном, не существенном, сказал:

- Будем оперировать. У вас достаточно сложная травма, особенно лицевой части.

Затем медсёстрам, сопровождавшим его, повелел:

- В операционную!

Георгия Алексеевича уложили в каталку, накрыли простынею с головой, словно мертвеца, и повезли в операционную. Только головою вперед.

* * *

На операционном столе Георгию Алексеевичу зафиксировали руки и ноги, чтобы не произошло чего-нибудь непредвиденного, и сделали несколько уколов. Уколы подействовали очень быстро, и он легко, крепко заснул...

Жизнь человека всегда в опасности, а на операционном столе – тем более. Если жизнь здорового человека зависит от прихоти судьбы, то

здесь на твёрдом, холодном ложе, она зависит от тех, кто делает операцию, то есть от врачей и их помощников.

Врач – не Бог и не может противостоять судьбе человека, но он имеет особые полномочия от Всевышнего – спасать людей. И делает он это от души, как может. Нет, пожалуй, ни одного врача, который бы не желал излечения своего пациента. И лишь только какая-то ошибка, недостаточная квалификация, или небрежность не позволяют ему достичь желаемого результата. Но это исключительная редкость. И хорошо, что так, ибо эта редкость непростительна и никакому прощению не подлежит, ибо она довольно часто становится роковой.

Операция длилась долго, так долго, что наркоз не стал надёжно действовать, и Георгий Алексеевич, как сквозь сон, начал улавливать различные звуки, происходящие вокруг. А ещё он слышал звуки где-то совсем близко, в районе переносицы. Он слышал отвратительный хруст хрящей, противное постукивание какого-то металлического предмета о зубы. Но боли не было. Вместе с этим он чувствовал, как мягковато-сладкая жидкость заполняла полость рта и стекала через его уголки по подбородку. Рот был широко раскрыт и удерживался в таком состоянии каким-то предметом, похожим не то на штырь, не то на трубку. У Георгия Алексеевича появилось неотвратимое желание избавиться от этого предмета, и он стал выталкивать его языком. В какой-то момент предмет поддался и стал продвигаться вверх. И этого было достаточно, чтобы жидкость (а это была кровь), изо рта пошла в лёгкие. Врачи, делавшие операцию, этого не заметили. Георгий Алексеевич стал задыхаться. В это время наркоз почти совсем отступил, дав Георгию Алексеевичу возможность более ясно представить сложившуюся ситуацию. Воздух не поступал в лёгкие, и это грозило закончиться асфиксией, то есть удушением и смертью. Страх и паническое состояние мгновенно охватили Георгия Алексеевича, он хотел освободить руки, но они были хорошо зафиксированы крепкими ремнями. Он хотел закричать, но кроме какого-то странного гортанного звука ничего не получилось. Кто-то из присутствующих довольно спокойно сказал:

- Он что-то задёргался, надо повторить укольчик.

И повторили...

А в это время Георгий Алексеевич умирал. Дыхание остановилось, сознание помутнело, и стало покидать его. Он сделал усилие, чтобы восстановить дыхание, но ничего не получилось, так как кровь крепко закупорила дыхательные пути. Смерть наступала, и Георгий Алексеевич это хорошо понимал. Но он также понимал, что сопротивляться бесполезно. И вдруг страх исчез, появилось некое облегчение, тело расслабилось, и Георгию Алексеевичу стало безразлично – умирать, не умирать.

А потом и вообще промелькнула мысль: «Ладно, будь, что будет. Умирать, так умирать!» И стало легко, невесомо, словно тело и сознание разделились. И не только было легко, но и появилось какое-то удовлетворение, вперемежку с любопытством. Сознание, а вероятнее всего это была душа, (так теперь и будем называть), мягко и постепенно стала подниматься вверх. И не просто поднималась в какую-то безмолвную даль, а в определённом направлении, «по трубе», что ли. «Труба» эта была необычной, что встречаются повсеместно, а не о б ы к н о в е н н о й. Это, прежде всего, был калейдоскоп, где присутствовало разнообразие ярких цветов, постоянно меняющих свою конфигурацию по мере продвижения души вперёд. Она, эта душа, сейчас пела, наслаждалась красотой увиденного, и была в состоянии величайшего спокойствия и умиления. Нигде и никогда в мирской жизни душа Георгия Алексеевича не испытывала такого необычного состояния, чем здесь, в этой «трубе». Хотелось лететь всё выше и выше. А где-то там, вдалеке, куда стремилась его душа, заманчиво горел яркий, но мягкий свет...

Врачи спохватились вовремя, и приняли все меры к тому, чтобы вернуть Георгия Алексеевича с «того света». Как и какими усилиями, они это сделали, ему не было известно. Это, конечно, был «секрет Полишинеля», но Георгий Алексеевич всё равно не узнал детали своего «воскрешения». Да и, пожалуй, не очень-то хотел это знать.

* * *

Поправился он скоро. Но это выздоровление не принесло особой радости, так как головные боли давали о себе знать, один глаз почти ничего не видел, вставные зубы не могли разжевать что-то тверже сыра, и рот чуть покосило. Вобщем – здоров и нездоров. Но главное – внутри что-то изменилось: он стал придирчив даже к малым недостаткам со стороны окружающих его людей, не терпел шума и тяготился присутствием, резво играющих, детей. А ещё он утратил ту часть радости жизни, которая побуждает делать что-то хорошее, достигать какой-то цели. Серо и однообразно стал он жить. И лишь с умилением вспоминал тот момент, когда его душа летела по «трубе» туда, где его ожидало что-то неизвестное и прекрасное, в чём он был твердо убеждён. Иногда, в часы каких-то жизненных неурядиц, он даже сожалел, что не получилось окончательно улететь в эту прекрасную даль дальнюю. Но жизнь земная своим разнообразием отвлекала его от этих мыслей, порою доказывая, что здесь не так уж плохо, а порою просто хорошо. Например, любовь – это что-то такое, чего «там», наверное, нет. Конечно же, имеется в виду любовь к женщине. И, как раз, эта-та любовь и стояла крепкой стеной на пути к раздумьям о прелестях «того света». Георгий Алексеевич очень любил свою жену, и никак не хотел с ней расставаться, даже если «райские кущи» его «там» ожидали.

И ещё кое-что новое появилось у Георгия Алексеевича: он стал часто думать о жизни и смерти. Вернее, не о текущей жизни, как таковой, а о её смысле и цели. И кончине – тоже. И часто в эти размышления вмешивался вопрос: зачем? Зачем родился? Зачем живу? Зачем умираю? Зачем...? Зачем...? Вот этот набор безответных вопросов мешал теперь ему жить полноценно и свободно.

Каждый человек, перевалив за половину своего века, начинает думать о смерти, хоть и не верит в неё, считая, что никогда не умрёт. Ему кажется, что все, кто вокруг умирают, это о н и умирают, а о н никогда не умрёт. Но, всё равно, думает о смерти, правда, как о каком-то абстрактном, несбыточном явлении. Георгий Алексеевич же думал иначе. Теперь он уже знал, что такое смерть и как она происходит, ибо сам прошел этот короткий неотвратимый путь. О смерти он думал без страха, который всегда присутствует у человека, когда он думает об этом явлении. Он теперь понимал, что боязнь смерти – есть ничто иное, как боязнь неизвестности, которая поджидает человека после смерти. «Что там?» - вот единственный вопрос, который человек задаёт, думая о смерти. Георгий Алексеевич видел преддверие этого «там», и теперь был уверен, что ничего страшного нет, а сесть лишь красота и блаженство. И теперь не боялся смерти, как не боится человек зайти в воду, в которой уже побывал, и которая не причинила ему никакого вреда. Правда, в отсутствии у человека страха перед смертью, есть и другая сторона: он, этот человек, не моргнув глазом, может неоправданно укротить свою жизнь и преждевременно уйти из неё. А природа не зря дала человеку жизнь, не просто так отмерила ему какие-то годы, а с определённой целью. И цель эта заключается в том, чтобы человек произвёл и воспитал потомство, а главное, чтобы взрастил душу свою, которая и должна потом попасть в тот прекрасный иной мир. Так будь добр, человек, живи и никуда не торопись!

Георгий Алексеевич, теперь хоть и не торопился жить, ни не особо радовался ей. После травмы и операции его жизнь как-то поблекла, а её позиция не была столь активна, как раньше. Он, хоть и не был стариком, но старческое недовольство, а также занудство уже вселились в него. Его лицо казалось неподвижным и забыло, что такое улыбка. Он осознавал своё такое состояние, не любил себя за это, но ничего поделать не мог. Да и, пожалуй, не старался измениться. Жил, как говорят, «на автомате», если по лётному, то «на автопилоте». Так бы всё шло и катилось до его естественной кончины; но вдруг ни с того, ни с сего, он стал замечать что-то странное в себе. Правда, было бы неправильно сказать «ни с того, ни с сего», так как эта странность не являлась для него большой неожиданностью. Он где-то, когда-то узнал, что у людей, получивших серьезные травмы и побывавших в клинической смерти, появляются ка-

кие-то неестественные способности. Чаще всего они, эти способности, заключаются, а том, что появляется возможность заглядывать в прошлое какого-нибудь человека, а также предвидеть и предугадывать его будущее. Примеров тут предостаточно. И они неопровержимы. Марфа Коныхова, Ванга, Мессинг, и ряд других обладали большим пророческим даром, то есть были, как сейчас говорят, людьми «широкого профиля» в этом отношении. Но были, есть и будут люди с меньшими способностями, с каким-нибудь односторонним даром. К примеру, одни могут заглядывать только в будущее, вторые – в прошлое, третьи становятся пророками, и так далее.

Кое-какие способности появились и у Георгия Алексеевича.

А началось всё с события обыденного, но трагического. Как-то собрался Георгий Алексеевич съездить к своим родственникам в район за несколько сот километров. Взял с собою племянницу Галю, которая училась в городе, и очень соскучилась по родителям, а поэтому отпросилась на три дня, и хотела, как можно быстрее, попасть домой. Георгий Алексеевич хорошо водил машину, не был лихачом, и добросовестно соблюдал правила дорожного движения.. В городе водил машину с дозволенной скоростью, а по загородной трассе не очень-то разгонялся, так как большинство наших дорог не предназначены для больших скоростей. Асфальтовая дорога вскоре закончилась и началась «грунтовка» - самая распространённая дорога во всех наших сельских районах. Гребёнка, пыль, колея и ухабы всегда сопровождают эти дороги. Георгий Алексеевич сбавил скорость, как того требовала дорога и его извечный принцип – не торопиться. Поехал медленно, осторожно и нудно.

«Какой русский не любит быстрой езды!» - сказал когда-то классик. Но он, этот классик, не имел в виду такую бешеную скорость, как сейчас, ибо лошади никак не могли разогнаться до половины этой скорости, будь они самой отборной скаковой породы. Сейчас же этот «русский человек» заимел другое средство передвижения – автомобиль, порою, в сотни таких лошадиных сил. И, подогреваемый этими словами классика, жмет на педаль газа, разгоняясь при этом до умопомрачительных скоростей. Вообще-то, давить на педаль особого ума не надо, а вот ездить по правилам и безаварийно – тут он нужен.

Вдруг какой-то лихач, всё ещё находясь под впечатлением от асфальтовой дороги, молниеносно обогнал Георгия Алексеевича, поняв при этом огромное облако пыли. Это почему-то задело не его, а племянницу Галю. Она, хоть и была деревенской, но, попав в город, быстро перестроилась на городской лад, но успела это сделать не по всем статьям, а по самым жизненно важным. Ну, перекрасилась – это уж точно; стала «модно» одеваться до неприличного оголения; в её речи появились городские словечки и сленги; а покатавшись с «пацанами» на их папиных

быстроходных машинах, полюбила и скорость. И «обгонная гордость» всякий раз ярко и радостно вспыхивала в ней, когда её «пацан», выделывая опасные трюки, пролетал мимо какого-нибудь «лопуха».

Галя заёрзала на сиденье, потом повернулась к Георгию Алексеевичу и с упрёком сказала:

- Смотри, дядя Гоша, его уже не видно, а мы всё тащимся.

На что Георгий Алексеевич спокойно и уверенно ответил:

- Подожди, мы его скоро увидим...

Галя не придавала никакого значения его словам, успокоилась, но недовольное выражение на лице оставила. Вскоре появился поворот. Пыль, что поднял лихач, здесь почему-то сгустилась, образовав обособленное облако. Сразу за поворотом начинался длинный, пологий спуск. Слева дорога врезалась в сопку, а справа был откос, образованный из крутой подошвы этой сопки. А внизу – ярко зелёная лощина, усыпанная полевыми цветами, среди которых выделялись белые букеты марьиных кореньев, которые располагались ровными рядами, словно не природа, а человек их тут посадил.

И вдруг Галя испуганно закричала:

- Дядя Гоша, смотри, машина перевернулась!

Георгий Алексеевич резко затормозил, остановил машину. И только теперь, когда не надо было внимательно смотреть на разухабистую дорогу, он взглянул, куда указывала племянница. А указывала она в сторону лощины, где между прекрасного разноцветья вверх колёсами лежала машина. А приглядевшись внимательно, Георгий Алексеевич узнал в ней ту, что их так лихо обогнала.

- Ну, вот, я же говорил..., - не зная зачем, заключил он, ибо в его интонации не было ни злорадства, ни сарказма, ни сожаления. Просто сказал, и всё. Но Галя, всё-таки, нашла здесь какое-то злое начало, и недобро сказала:

- Накаркал!

Георгий Алексеевич ничего не ответил, посчитав, что племянница в запале это обронила. Однако, где-то в глубине души, почувствовал некую тревогу: вину, что-ли, за случившееся. И подумал: «Может и правда накаркал!»

Они спустились к машине. Стояла гробовая тишина; не было ни стрекота кузнечиков, ни крика ворон, что собрались на огромном дереве, одиноко стоявшем среди лощины; ни дуновения ветерка; ничего. И в разбитой машине – тоже было тихо. Всё говорило о том, что здесь появилась смерть. Кузов машины был помят и сплюснен так, что вместо

окон были «амбразуры», как у «дота» военного времени. Из одной из таких «амбразур», что была образована из бокового окна водителя, свисала синюшная окровавленная рука, с огромным золотым перстнем на мизинце. Было ясно, что рука эта принадлежит мертвому человеку. Но Георгий Алексеевич, для полной уверенности, пощупал пульс. В другой стороне машины, там, где располагалось сиденье пассажира, было что-то непонятное и страшное. Человек, (а это по всем признакам была девушка), был свернут в такой клубок, что ни одна выдающаяся гимнастка мира, не могла бы изобразить такое: ноги были вверху, руки заломлены назад, а голова повернута на все сто восемьдесят градусов, и торчала между ног задом наперёд. И голова эта была сильно окровавлена, с распущенными волосами, с открытыми глазами; и ртом, растянутым в холодной, неестественной улыбке.

Георгий Алексеевич с ужасом отпрянул, тяжело вздохнул и, того не желая, невольно, с упрёком самому себе, сказал:

- Уф-ф! Накаркал!

Галя удивленно посмотрела на него, хотела что-то сказать на этот счет, но передумала, и спросила:

- Что будем делать?

- Надо сообщить в милицию, - ответил он.

* * *

Однако Георгий Алексеевич не придавал особого значения этому «карканью», и не стал размышлять о своей роли в случившемся, так как не было никакого основания думать, что он туту в чем-то виноват. А то, что сказала племянница, а затем и сам, он посчитал за стрессовую ситуацию, которая возникла при виде этой ужасной аварии. «Глупо себя винить в том, в чем ты совсем не виноват», - заключил он. И забыл.

Но судьба-злодейка вскоре вновь дала о себе знать.

Однажды на даче, среди бела дня, Георгий Алексеевич прилёг на диван, чтобы отдохнуть от этого извечного изнурительного дачного труда. И только прикрыл веки глаз, как где-то в тёмной дали, похожей на ночное небо, появились яркие звездочки. Затем из этого тёмного далека стало приближаться светлое пятно, которое, как метеорит вырвалось из небесного созвездия, и стало приближаться. По мере приближения пятно стало превращаться в квадратик, чем-то напоминающее маленькое окно, которое так и звало заглянуть в него, чтобы увидеть, что там, в этом тёмном далеке. Это явление не удивило и не заинтересовало Георгия Алексеевича, ибо в нём он не увидел ничего необычного. Он отнёс это к

обычному явлению, которое могло появиться после работы на ярком солнце. И продолжал лежать с закрытыми глазами.

А тем временем в этом окошечке стал появляться образ человека, ясный и отчетливый. Но положение его не было, как на обычном портрете, ибо он лежал на спине со скрещенными руками, и закрытыми глазами, как мертвец. Вдобавок ко всему, в ногах у него был крест, что ставят на могиле. Тут уж Георгий Алексеевич заинтересовался и стал внимательно рассматривать лицо этого человека. И узнал. Это был сосед по даче Михаил Михайлович, с которым он сегодня виделся и перекинулся несколькими словами. Видение это хоть и озадачило Георгия Алексеевича, но какого-то особого значения ему он не придал. И успокоил себя: «Ну и что из этого? Я с ним сегодня виделся – вот и примерещился». Но тут же появился вопрос: «А почему он примерещился-то?» И вдруг этот вопрос породил в его душе какую-то непонятную тревогу. И одновременно с этим нелепую мысль: «Может, что с ним случилось?»

Георгий Алексеевич поднялся, вышел на крыльцо, откуда, хорошо просматривалась округа и дача Михаила Михайловича. И тут же обнаружил соседа – он нёс воду с речки. Георгий Алексеевич вышел навстречу и преградил ему путь.

- Михалыч, ты как себя чувствуешь? - вдруг спросил он.

Михаил Михайлович очень удивился этому вопросу, и, в свою очередь, спросил:

- Ты, Алексеевич, это к чему? Я, что плохо выгляжу?

- Да я так..., я просто, - замялся Георгий Алексеевич.

- Друг мой, так просто о здоровье не спрашивают, да ещё сналёту. Всё-таки, почему спросил-то?

- Да, так просто, поинтересовался – и всё, - уже увереннее ответил Георгий Алексеевич. И, чтобы закончить этот нелепый разговор, повернулся и пошел к себе

- Хе! – усмехнулся Михаил Михайлович и долго посмотрел ему вслед.

А через несколько дней Михаил Михайлович скорпостижно скончался.

Этот случай побудил у Георгия Алексеевича размышления по поводу возможного появления у него какого-то странного дара – предвидеть чужую смерть. Он знал, что у некоторых людей, попавших в какую-то трагическую ситуацию, связанную с травмами и перенесших клиническую смерть, вдруг появляются предвидеть какие-то события и явления. Ясновидящими таких людей называют. Примеров тому достаточно.

И наиболее яркие из них Марфа Конюхова, Ванга, священник Амель, Мессинг, провидческий дар которых был неоспорим. «Неужели и у меня появилось что-то подобное?» - с непонятным чувством – не то гордости, не то честолюбия, не то тревоги, подумал Георгий Алексеевич. Но, поразмыслив, задал себе другой вопрос: «А дар ли это? Может просто какое-то совпадение?»

Однако следующий случай, связанный с подобным явлением, всё-таки заставил его поверить, что дар такой у него есть. В этот раз процесс с видением был такой же, но в несколько иной ситуации. Как-то утром он проснулся раньше обычного времени, и лежал с закрытыми глазами. И вдруг началось... Всё то же звездное небо, то же яркое пятно, перешедшее потом в квадрат – окошечко. И человек... Теперь это был его сослуживец Николай Иванович Михайлов, который был ещё сравнительно молод и не имел никаких серьёзных болезней. Он всегда был бодр, аккуратен, и тщательно следил за собою. Ему-то ещё жить, да жить. При первой же встрече Георгий Алексеевич внимательно посмотрел ему в глаза, словно пытался увидеть в них что-то такое, что указывало бы его скорую кончину. Но ничего тут не высмотрел, ибо глаза Николая Ивановича, как всегда, были ясными и живыми, а теперь ещё и излучали некое любопытство. И он удивлённо спросил:

- Ты что, Георгий Алексеевич, так внимательно меня рассматриваешь? Что-то не так?

- Да...Ничего, я просто..., - неуверенно ответил тот. А потом вдруг спросил:

- Ты как себя чувствуешь?

- Ничего. А что, плохо выгляжу?

- Выглядишь хорошо. Но...- Георгий Алексеевич чуть было не сказал, что надо бы побережись, ибо, не ровен час, плохое может случиться. Но удержался, и лишь добавил:

- Но ты держись, дорогой! – Чем окончательно озадачил своего сослуживца.

Николай Иванович, спустя несколько дней, вдруг умер. От сердечной недостаточности, якобы. .

Прошло какое-то время, и Георгий Алексеевич, всё в том же «окошечке», вновь увидел человека. Вот тут-то его охватил ужас: теперь это была его племянница Галя! И, так же, как другие, представилась покойником с крестом в ногах. В холодном поту Георгий Алексеевич вскочил с кровати и стал нервно расхаживать взад-вперёд по комнате. Мысли путались, не давая сосредоточиться на чем-то одном. Он пытался успокоить себя тем, что это ничего не значит, что это плод его воображения,

вероятнее всего, порождённый предшествующими видениями, и тяжёлыми раздумьями по этому поводу. Но это ему не удавалось. Казалось, что единственным спасением было – выбросить из головы это видение и забыть про него. Но сколько бы он не пытался это сделать – никак не получалось. Весь последующий день он находился под впечатлением этого видения, но оно так и не отступало. Потом и того хуже: привязался нехороший вопрос: «Что же с ней может случиться?» Галя была молодой, здоровой и жизнерадостной девушкой. И, пожалуй, не было причин, которые могли бы привести к трагическому последствию. Но одно обстоятельство, всё-таки, настораживало – это катания на машине с друзьями-лихачами. Да, это вполне возможно. Вон сколько их, этих лихачей, разбивается на дорогах – через день, да каждый день.

И теперь его стал мучить другой вопрос: «Что делать?». Думал, думал и ничего другого не придумал, как поехать к ней, племяннице своей.

Галя жила в общежитии университета, и в комнате была не одна, с подругами. Приходу Георгия Алексеевича удивилась, так как он бывал тут очень редко и заранее предупреждал её о своём визите. А причиной таких визитов была необходимость привезти её что-нибудь из продуктов. Сегодня же он приехал налегке, без какой-либо ноши. И его поведение её тоже удивило: Георгий Алексеевич как-то странно – вкрадчиво и полупшепотом пригласил её выйти для разговора. И разговор был довольно странным и непонятным.

- У тебя как со здоровьем? – вдруг спросил он.

- Хорошо, - ответила она. – А что?

- Не болеешь?

- Нет, не болею. Что плохо выгляжу?

- Выглядишь нормально.

- Тогда почему задаешь такой вопрос?

Убедившись, что со здоровьем у Гали всё в порядке, Георгий Алексеевич заговорил о другом:

- Сейчас вот ехал к тебе и на перекрёстке увидел автоаварию. Две «японки» так врезались друг в друга, что запчасти от них разлетелись далеко-о-о.

- Ну, и что? Ты за этим и приехал, чтобы сообщить такую невидаль? – с ноткой иронии спросила она.

Но Георгий Алексеевич, словно не заметив этого вопроса, продолжал:

- Пострадали несколько человек, всё молодые. Сильно пострадали, похоже, кое-кто насмерть зашибся. – Георгий Алексеевич глубоко вздохнул и добавил: - Э- зх, торопятся куда-то...

- На кладбище. Куда же ещё? – съёрничала Галя.

- На кладбище торопиться не надо, туда успеем. А вот жить – надо. Особенно молодым.

Как-то неловко помолчали. Видя такое настроение племянницы, Георгий Алексеевич не решался начать разговор, где хотел предупредить её об опасности. Не поймет она его, не поймёт! Но он, всё-таки, хоть как-то решил это сделать, и неуверенно проговорил:

- Тебе бы тоже не следовало торопиться...

- А я никуда и не тороплюсь.

- Я говорю, чтобы ты не ездила со своими дружками лихачами.

Галя сделала вид, что задумалась, но потом прищурила глаза и едко сказала:

- Вот оно что! Вижу – ясновидящим стал! Тебе, дядя Гоша, опять что-то примерещилось?

Георгий Алексеевич пожал плечами, промолчал. Галя расценила это, как утвердительный ответ, и вдруг обозлилась: в глазах появились злые огоньки, губы вздрагивали. И, растягивая слова, она проговорила:

- Кажется, я поняла, зачем ты пожаловал! Ты, дядя Гоша, пришел сказать, что я скоро т о г о , - Галя крест-накрест сложила руки на груди и закрыла глаза. – Это ты хочешь сказать?!

Георгий Алексеевич снова промолчал.

- Ну, спасибочко, дядя Гоша, обрадовал! – Она презрительно посмотрела на него, и добавила: - У х о д и!

Георгий Алексеевич был обескуражен и обижен, ибо считал, что предупредив племянницу, он тем самым предотвращает страшное для неё последствие. Хотя и не был твердо в этом уверен. Он знал, что судьба для человека заготовлена ещё до его рождения, и расписана от и до, как по нотам. И изменить её, эту судьбу, никак нельзя, тем более обмануть. Но и бесшабашно, по воле волн, плыть в жизни тоже нельзя: ведь предотвращение каких-то нежелательных и, даже трагических событий, а возможно сопротивление им, - это поиск того пути, который предначертан судьбою, а не тот, который мы подразумеваем. А поэтому, уходя, Георгий Алексеевич снова предупредил:

- Ты, Галя, всё-таки, береги себя, и будь осторожна.

Галя, хотя и не восприняла всерьёз предупреждение своего дяди, однако призадумалась над тем, что надо бы и вправду побережться, ну, хотя бы, отказаться от этих лихих поездок с друзьями. И отказалась. Но беда подстерегла её не здесь. Хотя и тоже было связано с автомобилем.

Мало того, что Галя «побереглась», но она не обошлась без тревожных раздумий. Раздумья эти возникали, как правило, ночью в крошечной тьме и тишине. Что-то непонятное вдруг начинало её тревожить, и она просыпалась, но не совсем, а до полудрёмы. В это время ей снились, (если так можно сказать), причудливые сны – неясные, бессвязные, и без всякого логического развития и завершения; и странными, какими-то причудливыми эпизодами. Чаше тут фигурировали автомобили, которые то неслись, едва вписываясь в горные серпантины, то летели вниз с высокой кручи, то взлетали вверх и переворачивались, делая сложные сальто. ; то вдруг она оказывалась за рулём и никак не могла затормозить перед каким-то препятствием; то вдруг автомобиль нёсся на неё, и не было возможности спастись от него.

От недосыпания и таких «снов» Галя стала вялой, замкнутой и раздражительной. Но главное – она, в конце концов, поверила в безысходность, безвыходность своего положения. И, того хуже, поверила в свою скорую кончину.

Человек создан так, чтобы не знать своего будущего, а кончину – тем более. Природа здесь поступила очень мудро, поставив непреодолимую преграду между прошлым и будущим. Представьте себе: что станет, если человеку будет доступно его будущее! Это будет не жизнь, а что-то невообразимое. Прежде всего – это постоянное ожидание завтрашнего дня, если он, этот день, сулит что-то хорошее; и мучения, если он сулит плохое. А значит – полная бездеятельность, отсутствие стремления идти вперёд и чего-то достичь. И не будет никакого прогресса в развитие человека, а может и всего человечества. И хуже всего, если человек будет знать день и час своей кончины. Конечно, каждый человек воспринял бы это по-разному, ибо жизнь человека индивидуальна, и каждый к ней относится исходя из особенности той обстановки, в которой находится; ну и от склада своего характера – тоже. Но в целом, люди не очень-то радовались бы наступлению этого дня. Вот и представьте себя на месте того человека... Ну, и как?

Галя не знала дня своей кончины, но она теперь знала, что это будет скоро. А это, пожалуй, ещё хуже, чем его знать в точности. Единственное, что её ещё как-то утешало, это надежда на то, что дядя Гоша ошибся и неверно истолковал своё видение.

Но и Георгий Алексеевич не был спокоен, он тоже переживал за племянницу, и не знал, что делать, как ей помочь. И это было хуже все-

го, ибо очень тяжело, когда знаешь, что произойдёт плохое событие, а предотвратить его не можешь. Однако и он, хоть и слабенько, но надеялся, что это какая-то ошибка, что может видение, имеет совсем другой смысл и предназначение. Но когда детально восстанавливал его в памяти и тщательно анализировал, то, в конце концов, понимал, что э т о непременно будет. Он теперь очень сожалел, что пошел к племяннице с этим гадким предупреждением. Но иногда, где-то в глубине сознания, вспыхивала слабенькая надежда: а может быть, всё-таки, обойдётся?

Но нет, не обошлось...

Эти дни Галя пребывала не только в тяжелых раздумьях, но и в каком-то сумеречном состоянии, порою не отдавала себе отчет в том, что делает. Порою казалось, что живет она по инерции, что ли, делает кое-что неосознанно, бездумно. Её мозг словно разделился надвое: одна часть делала то, что надо, другая была занята раздумьями о предстоящей кончине.

В таком вот состоянии в то роковое утро она вышла из общежития, направляясь на занятия в учебный корпус, что был через дорогу. Дорогу эту она теперь переходила с особой осторожностью, так как по ней постоянно мчались автомобили, иногда оставляя для пешеходов считанные секунды. Но беда подстерегла девушку не на переходе, а на тротуаре, у самого крыльца общежития.

Вдруг из-за угла общежития выскочила машина и лихо, словно всё ещё несясь по улице, подлетела к самому крыльцу, перескочив при этом через бордюр. Водитель, парень из студентов, на модном калеллаке, не успев остановиться, резко открыл дверце и сбил ею Галю. Казалось бы, что ничего страшного тут не произошло, но девушка, падая, ударилась головой о периллы крыльца, получила при этом перелом основания черепа.

Галя скончалась через два дня. Умерла тихо, без мучений. И лишь перед самой смертью с укором посмотрела на Георгия Алексеевича, пошевелила губами, словно хотела что-то сказать.

Георгий же Алексеевич понял, что она хотела сказать. Она хотела сказать лишь одно: «Ты накаркал!».

* * *

Георгий Алексеевич был человеком порядочным, уравновешенным, не злым, и никогда, никому не желал плохого, даже врагу своему, правда, которых у него, как он считал, не было. Враги же, хоть и незначительные, но всё же у него были. Ведь нет человека, у которого не было бы врагов. Говорят же: «Человек без врагов, что собака без блох». Однако не каждый замечает их, врагов-то своих, особенно люди порядочные

и доброжелательные. Вот и он не замечал, хотя пакости со стороны отдельных людей в отношении его нет, нет, да случались.

Дар, (мы этот так и будем называть), предвидения кончины людей Георгий Алексеевич теперь осознал окончательно, но не знал, как к этому относиться – хорошо или плохо. Конечно, было бы хорошо, если бы Георгий Алексеевич мог как-то помочь предотвратить смерть человека. Ведь от момента видения, до этого страшного события было какое-то время, а значит, можно было, что-то сделать. Но тут, же возникали примеры с уже случившимися таковыми событиями, где он ничего не смог сделать. А что сделаешь в таких случаях? Единственное – предупредить. Но он уже предупредил и получил за это «благодарность» в виде того же «Накаркал!», да и сослуживец Николай Иванович. а также другие «потерпевшие», не исключено, что перед смертью вспомнили его недобрым словом. И было очень плохо, что люди, хотя и не верят, но всё равно, мучаются от этих странных его намёков, предупреждений, то есть.

Но видения такие продолжались...

На этот раз в видениях вновь был сосед по даче – молодой человек, пьющий и разухабистый, по имени Егор. Создавалось впечатление, что Егор этот приобрёл участок не для того, чтобы выращивать овощи, ягоды и прочую зелень, а для не очень активного отдыха, в основном для безудержного пьянства на свежем воздухе. Чаше он бывал тут один, но иногда с какой-нибудь женщиной – любовницей или сожительницей, но независимо оттого, называл их женами, и делал это так, из ухарства или некоего куража. С соседями был в ладах, и не причинял никакого неудобства, а зла – тем более. Но с «женами» обычно был груб, жесток, и пьяные оргии часто заканчивались побоями.

Вот такой-то человек и появился в видениях Георгия Алексеевича, чему он очень удивился, и теперь не знал, как поступить. Не верить этому видению он не мог, так как и без видения, Егор мог погибнуть в любое время, исходя из его такой разгульной и непутёвой жизни. Но это был молодой человек, которому ещё жить, да жить, а не умирать преждевременно, ни с того, ни с сего. И его было тоже жалко. Ведь какая бы не была у человека жизнь, но это жизнь, и её надо прожить от рождения до естественной кончины – так велит Природа.

И опять у Георгия Алексеевича стал всё тот же вопрос: как предупредить об этом Егора? Сложность здесь заключалась в том, что Егор был неуравновешенным человеком, и неизвестно какотреагирует на это предупреждение. Всё можно ожидать от пьяного-то человека, ибо трезвым тут он никогда не был. Но, всё равно, надо...

И Георгий Алексеевич решил написать записку и незаметно подбросить. Но, как написать? Просто, что ты скоро умрёшь? Не пойдёт, ибо пьяный Егор, несомненно, примет это за шутку, связанную с его пьянством. А может добавить слово «берегись»? Но тут будет похоже на угрозу, которая может вызвать у него приступ алкогольного психоза, и он ещё пуще запьёт. Думал, передумал Георгий Алексеевич и ничего не придумал, в смысле текста записки. Однако, вскоре появилась некая идея...

В один прекрасный ден Георгий Алексеевич, убедившись, сто Егор на даче один, (без очередной «жены» имеется в виду), отправился в город, на железнодорожный вокзал. Там он отыскал цыганку, вечно промышлявшую гаданием, и завел с нею разговор:

- Тебя как звать? – спросил он, чем очень удивил её, ибо цыганки всегда первыми начинают разговор и не дают человеку рта раскрыть.

- Ты чё это, милый, познакомиться захотел?

- Нет, я к тебе по делу.

- Погадать? Так я тебе и без всякого знакомства это сделаю.

- Я по-другому...

- Ну, раз так, то говори. А зовут меня Розой.

- Роза, я хотел бы тебя попросить...

- О чем?

- Погадать...

- Ну, какой разговор, - схватила она его за руку.

- Нет, не мне, а другому человеку.

- Давай! Где он?

- Не здесь. Ехать надо.

Роза внимательно посмотрела на Георгия Алексеевича, смирив его с ног до головы, как будто убеждаясь в надёжности этого человека, и спросила:

- Чё нагадать-то?

- Смерть ему надо нагадать...

Роза кинула удивлённый взгляд – не шутит ли? Потом осторожно спросила:

- Не убить ли его собираешься?

- Нет, ничего с ним делать не собираюсь. Его надо просто предупредить, что скоро умрёт. Чтобы поберёгся...

Роза призадумалась, ибо никогда ещё в жизни ей не приходилось нагадывать смерть человеку. Не в правилах это цыган. Их дело – только хорошее нагадывать. Правда, иногда что-нибудь страшненькое подкинут, чтобы надёжнее привязать к себе человека. А тут.... Однако Роза поняла, что настоящей смерти здесь не предвидится, и согласилась.

- Понятно. Это я сделаю. - Понятно. Это я сделаю. О где это будет? На дому, что ли?

- В машине это будет. Я устрою вам свидание.

- Хорошо, поедem! Только оплата двойная: за поездку ещё прибавишь.

- Всё оплачу, не беспокойся. Только поедem не сейчас, а завтра, рано утром.

- Ладно. А где встретимся?

- Здесь же.

С вечера Георгий Алексеевич зашел к Егору и предложил завтра с утра подвезти его в город, зная, что тот обязательно поедет за бутылкой, ибо такова уж природа пьяниц – не оставлять ничего на похмелье.

А рано утром, пока Егор спал, Георгий Алексеевич быстренько съездил на вокзал и привёз цыганку на дачу. Но, прежде чем будить Егора, он отправил Розу на дорогу, чтобы она ждала в некотором удалении от дачи. По плану она «проголосует» и попросится подвезти до города. По дороге Георгий Алексеевич остановит машину, чтобы сходить «до ветра», чтобы оставить Розу и Егора наедине. Ну, а там уж, как говорится, дело техники. Цыганской техники, имеется в виду.

Так оно и получилось. Пока Георгий Алексеевич ходил «до ветра», Роза быстренько обработала мягкого и податливого с похмелья Егора, и нагадала ему скорую кончину.

Оставшуюся до города дорогу, Егор молчал, трудно обдумывая сказанное цыганкой столь неприятное событие, которое его ждёт в скором будущем. Но не переживал. А к концу поездки оживился, и, казалось, повеселел. Он заспешил куда-то, беспокойно ёрзал на сиденье, и часто выглядывал в окно.

В этот день Егор ещё пуще прежнего напился, бесцельно расхаживал по своему участку и беспрестанно напевал мотив романса «Гори, гори моя звезда». А на следующий день крепко подправился стаканом, другим и пошел по соседям прощаться. И начал с ближнего – Георгия Алексеевича. Он зашел, по-хозяйски выставил бутылку на стол, присел и заговорил:

- Вот, сосед, пришел попрощаться. Неси стаканы, выпьем.

Георгий Алексеевич понимал, что творится в душе Егора после «гадания» цыганки, однако был несколько озадачен его визитом с таким намерением. Но он, хотя и предполагал, что кроется за этим прощанием, однако старался не допускать плохой мысли, и надеялся, что оно, это прощание, несет за собою совсем другой смысл. Поэтому спросил:

- Что, решил покинуть наш прекрасный уголок?

- Не я решил, а судьба...

- И что же она решила, эта судьба?

- Я скоро умру. Вот, что она решила!

- А как ты об этом узнал?

- Цыганка нагадала.

- И ты поверил?

- Как не поверить, если цыганка, которую видел впервые, всё обо мне знает: и фамилию, и имя, и что холостякую, и где работаю. Обо всей моей разгульной жизни...

- А отчего и как умрёшь, сказала?

- Нет, этого, как раз, и не сказала. Поэтому теперь и мучаюсь, не зная, как и когда это произойдёт: может сегодня, а может завтра, или Бог знает, когда. Вот и запил без передышки – так легче.

- А может наоборот: надо не пить, а поберечься.

- Как и отчего беречься-то?

- Ну, чтобы чего не случилось...

- А чего не случилось-то?

Георгий Алексеевич замолчал, не зная, что дальше говорить. Оно, ведь, правда: хуже всего на свете, когда знаешь, что умрёшь, (скоро имеется в виду), а когда и отчего именно неизвестно. Это, как на войне, в штрафбате: знаешь, что погибнешь, но не знаешь в какой атаке, и от кого – от врага или своих «заградителей». А те «стограммовки», которые выдавали, как-то сглаживали эту неизвестность и уводили от тяжёлых мыслей. Вот и Егор, правда не «стограммовками», а целыми бутылками решил уйти от плохих этих мыслей. Ну, что ему тут скажешь?

А Егор продолжал:

- Я теперь пропью всё, но, как говорится, «флот не опозорю». И напоследок, хоть вдоволь нагуляюсь, на том свете-то ещё будет ли такая возможность...

И Егор запил беспробудно, «по-черному», как говорят в народе. За несколько дней он обошел ближайших соседей и попрощался. А к кон-

цу недели, (пьяной, а не календарной), залез на крышу своего дома, и с криком: «Прощайте все!» бросился вниз...

Георгий Алексеевич и эту смерть тяжело пережил, чувствуя себя виновным, хотя отчетливо не понимал – в чем же, все-таки, его вина. Но виновность эта, всё равно, как червяк, подтачивала его совесть. От природы он был порядочным человеком, и никогда ничего плохого людям не делал, умышленно, конечно. Но, как и все люди, не был застрахован от неумышленных действий, которые кому-то вредили. Но, каждый порядочный человек, и эти неумышленные действия, невольно приравнивает к умышленным, отчего потом страдает не меньше, чем от таковых. Он не был рад своему такому дару, и приравнивал его к «накаркиванию» бед другим людям. Его теперь занимал один вопрос: как бы избавиться от такого подарка природы? Если б это была какая-то вещь, он бы, не задумываясь, выбросил её. Но этот дар кроется где-то глубоко, не, то в сознании, не, то в душе, и его не достанешь, не выбросишь, и не прикажешь уйти прочь. Но избавиться от него он всё-таки пытался. В первую очередь, он загружал себя физической работой иак, что при первом же прикосновении к подушке, тут же засыпал. Во-вторых, старался не думать об этом, и изгонял из головы любые проявления таких мыслей. . А в-третьих, (трудно это понять), нырял всё в то же место речки, что бы, хоть как-то, снова травмироваться, руководствуясь при этом известным принципом – клин клином вышибают. Но ничего из всего этого не получалось – дар никак не хотел его покидать. И видения с близкой смертью людей продолжали приходить. И это происходило потому, что: во-первых, он не всегда мгновенно засыпал; во-вторых, мысли имеют природу появляться сами, без согласия на то человека, и очень часто не поддаются изгнанию; в-третьих, речка никак не хотела причинить ему новую травму, как бы он этого не хотел, ибо говорят, что в одну и ту же воду дважды не войдешь.

Вновь и вновь Георгий Алексеевич предвидел смерть близких и неблизких людей, но был бессилён чем-то помочь в её предотвращении. Да и делать-то что-либо не было никакого смысла, ибо предыдущие попытки ни к чему доброму не привели. И только страдания обречённых было неизменным результатом этих попыток. А одна из них, этих попыток, чуть не привела Георгия Алексеевича к большим неприятностям. Один из его бывших сослуживцев – вертлявый и пронырливый человек, по имени Сергей Михайлович, вдруг бросил своё прежнее занятие и подался в бизнес, связанный с торговлей, «купи – продай», то есть. И быстро преуспел в этом деле, разбогател. Но, с получением богатства, приобрёл немало врагов в лице конкурентов и криминальных структур, которые не очень-то жаловали его за жадность, усиливающуюся в нём по мере накопления этого богатства. Ведь богатый человек потому и

богат, что чрезмерно жаден. Сергей Михайлович плохо делился с такими людьми - вот и вся его беда. Угрозы в его адрес поступали регулярно, но действий, как таковых, не было, обходилось как-то. И ещё он был трусоватым человеком, и старался надёжно прятаться от каких-либо неприятностей. Жил он в обыкновенном пятиэтажном доме, где было как-то надёжнее, так как кругом люди. Был у него коттедж, но он не хотел в нём жить - уж больно опасно в безлюдье-то. В коттедже-то его могут свободно «достать», как уже «доставали» не одного такого богатея. Сергей Михайлович был очень любезен со старушками, что постоянно сидели на лавочке возле его подъезда, так как они-то всегда дадут знать о появлении здесь подозрительных лиц. Такие бабульки – сущий клад не только для милиции, но и для жильцов, которым была нужна какая-то информация о том, что творится вокруг, да около.

Георгий Алексеевич, не придумав ничего лучшего, на этот раз решил известить Сергея Михайловича запиской. Он долго ломал голову над её текстом, который надо было написать так, чтобы Сергей Михайлович, с его ненадёжным положением, мог его правильно понять. Думал он и так, и эдак, но, в конце концов, коротко написал следующее: «Сергей Михайлович! Я твой доброжелатель, а поэтому предупреждаю, что ты скоро умрешь. Побереги себя».

Сергей Михайлович, конечно же, понял по-своему это предупреждение, и причислил его к очередной угрозе. До этого Сергею Михайловичу угрожали только по телефону, и то некими намеками. А тут угрожают запиской, нагло и открыто. «Скоро умрешь» - эти слова его больше всего шокировали и испугали. «Значит, не шутят бандиты, раз так откровенно пишут!» - с жутким страхом подумал он. Вначале он не знал, что делать – заявить в милицию или спрятаться надёжнее, но к какому-то окончательному решению не приходил. В милиции его вряд ли поймут, ибо записка была не очень внятной, и не несла в себе откровенной угрозы. А что касается того, чтобы поберег себя, то как ещё беречься-то, если сидит за семью запорами, и не появляется на улице без охраны. И вдруг его осенило...

Конверт с запиской он нашел в почтовом ящике вечером, когда прибыл с работы. Утром же в ящике ничего не было, значит конверт положен в течение дня. И человека этого должны были видеть всё те же бабки, ибо от их внимания ещё никто не уходил: мышшь пробежит - увидят, воробей на карнизе чирикнет – услышат, кто в подъезде находится – почувствуют. Ну, а человека, вошедшего или вышедшего из подъезда они рассмотрят и «сфотографируют» так что никакой модели на подиуме и во сне-то не снилось такое внимание. Вот к этим-то бабкам Сергей Михайлович решил обратиться. Чаще всего бабки между собою промывали косточки встречному поперечному, и редко, когда кто-то обра-

щался к ним с просьбой рассказать о том или ином человеке. Тогда у них появлялся некий кураж, и они, почувствовав свою значимость, начинали наперебой и до мельчайших подробностей рассказывать об этом человеке, да так, что наука криминалистика со своим словесным портретом очень бы им позавидовала. Вот и Сергею Михайловичу они описали незнакомца, посетившего днём подъезд, так, что он безошибочно признал в нём Георгия Алексеевича.

Богатый человек – вдвойне боится смерти, ибо он боится не только за себя, но и за богатство своё, боится даже после смерти потерять его. Ведь потеря богатства сравнима со смертью человека, и даже хуже того, хотя хуже смерти ничего не бывает. А поэтому этот двойной страх толкает человека на всё, вплоть до убийства кого угодно и как угодно

Сергей Михайлович ещё и по почерку убедился, что записку написал не кто иной, как Георгий Алексеевич. И был не только испуган, но и крайне удивлён, что это сделал бывший сослуживец, от которого нельзя было ожидать ничего подобного – уж слишком порядочным был этот человек. Но страх брал своё, и аргумент о порядочности Георгия Алексеевича был отброшен. И Сергей Михайлович стал придумывать, что делать с ним, автором этой записки. Он был убеждён, что Георгий Алексеевич, который никогда не видел денег больше своей зарплаты, завидует ему – успешному и богатому человеку. А зависть, как известно, вещь коварная.

В его тяжелых раздумьях верх, все-таки, брала мысль о том, что Георгий Алексеевич хочет с ним расправиться. Правда, неясно, почему он хочет это сделать. И опять же подвернулась мысль: может, хочет завладеть его богатством? Хотя понимал, что мысль эта была не убедительной и даже нелепой. Но страх – есть страх, и от него никуда не денешься. «Может поделиться?» - как-то мелькнула слабенькая мыслишка. Но Сергей Михайлович тут, же её отбросил, ибо его жадность победила страх. Богатый человек теряет не только рассудительность, но и рассудок при появлении любой угрозы его имуществу, или ему самому. Сергей Михайлович не стал долго рассуждать о том, что реальная или нет угроза со стороны Георгия Алексеевича, не говоря уже о том, что была ли эта угроза вообще, как таковая. Его воспалённый мозг теперь работал в одном направлении – угроза есть и надо что-то предпринимать. А для этого выбрал довольно распространённый нынче вариант: нанять мордоворотов и проучить Георгия Алексеевича, как следует, чтобы непременно было угрожать. Но этих мордоворотов, ни под рукой, ни поблизости не оказалось, так как Сергей Михайлович сильно торопился. А поэтому он пошел по пути наименьшего сопротивления: на первой же попавшейся помойке нашел бомжей и выбрал из них двух наиболее свежих

и не помятых, которые, по его мнению, могли справиться с этой задачей.

Бомжи – люди податливые и стговорчивые, если перед ними маячит хорошая выпивка, но правда, если дело, которое им предлагают, не «мокрое», то есть не связано с убийством. Непонятно почему, но убивать кого-либо они, как правило, категорически отказываются. Психология у них видимо другая, нежели у киллеров. Хотя друг друга всё-таки иногда «мочат», в обоюдной драке, конечно. И вот два моложавых мужчины, (благо таких достаточно на наших помойках), были отозваны в сторону, по секрету, вроде бы. И они отошли, хотя секретов между этой братии никогда не бывает. Сергей Михайлович сразу же, без каких-либо отступлений, спросил:

- Заработать хотите?

- Ну-у. А что делать-то?

Сергей Михайлович приблизился к ним и полусшепотом, заговорчески сказал:

- Тут одного мужичка надо проучить.

- Че, замочить? Мы это не-е-е...

- Нет, не убивать его надо, а проучить. Ну, отметить, как следует. Вот, что надо.

Мужики помялись, посмотрели друг на друга, и согласились.

- Ладно. Где и как?

- Сегодня к полуночи я отвезу вас к речке Кишиха, там у дач, вы увидите человека, он будет купаться.

- А как мы его опознаем, в темноте-то?

- Он там будет один.

- Че это он вдруг ночью-то будет купаться?

- Он всегда купается в это время.

- Ну, и что дальше-то нам делать?

- Подкрадётесь к нему, вырубите, и хорошенько поколотите.

- А чем вырубим-то?

- Я дам вам дубинки.

- А как мы обратно уберёмся?

- Я за вами подъеду.

Мужики переглянулись, отошли в сторону, пошептались. Потом подошли и спросили:

- Сколько дашь?
- Не обижу. До-олго будите пить.
- А когда?
- Ну, после того, как выполните это задание.
- Выполним, не сомневайся. А ты-то не обманешь?
- Нет. Я человек слова.
- Ну, сейчас-то дай, че-то вроде задатка.

Сергей Михайлович достал кошелек, отсчитал несколько сторублёвок и предупредил:

- Только не напейтесь!
- Не-е-е, мы тоже люди слова. Для сугрева, конечно, дёрнем. А, чтобы того... вдрызг, не-е-е...

Около двенадцати ночи Сергей Михайлович привез мужиков на речку, к месту, где обычно купается Георгий Алексеевич, и снабдил их оружием – бейсбольными битами, которые у нас применяются большей частью для того, чтобы кого-нибудь побить – уж очень удобная вещь для этого. Мужики были «под градусом», в ясной памяти, но не совсем здоровом уме. Ни были смелыми и рвались в бой, хотя, как показалось Сергею Михайловичу, наигранно это делали. Пришлось их предупредить:

- Мужики, только без фокусов, иначе будет очень плохо у вас со здоровьем. Достанем, хоть где. Ясно?
- Не переживай, хозяин, за хорошие бабки хоть кого отметелим. Будь уверен!
- Ну, хорошо. Жду вас за дачами, у поворота. Действуйте!

Ровно в двенадцать Георгий Алексеевич появился у речки. Вдоль тропинки, что вела к месту его купания, одна за другой стояли две огромные, в обхват, берёзы. Вот за ними-то и спрятались мужики. По их плану – первый пропускал Георгия Алексеевича, а второй выходил ему навстречу и преграждал путь. Так оно и произошло, когда Георгий Алексеевич миновал первую берёзу, из-за второй вышел мужик с битой в руке.

Стояло полнолуние, а поэтому было светло, «хоть иголки собирай». Георгий Алексеевич сразу же разгадал намерение человека, и первым пошел в атаку. Когда-то он занимался боксом и борьбой, что сейчас очень пригодилось. От биты он легко уклонился, так как удар был каким-то замедленным, вялым и нецеленаправленным, так как приходился не то в голову, не то в грудь. Было понятно, что нападающий не был

специалистом по бейсболу, а по разбойным нападениям – тем более. Георгий Алексеевич хлестко, по-боксёрски, ударил нападавшего в челюсть, и нокаутировал его. А берёза, о которую тот ударился, помогла усилить этот нокаут, доведя его до более глубокого. Нападавший лежал лицом вниз. Георгий Алексеевич хотел повернуть и рассмотреть его, благо лунный свет помогал это сделать. Но не успел он наклониться, как тут, же получил удар битой по шее, а потом и по голове. Это второй мужик его «угостил», да так сильно, что от удара по голове Георгий Алексеевич потерял сознание, «отрубился», как говорят в народе, и улетел в воду. Но потерял сознание он не на долго, так как речка быстро охладила и привела его в чувство. Он выбрался на берег, стряхнул с себя остатки скованности, как это делают всё те же боксёры, получив ощутимый удар, и бросился в сторону мужиков. Тот, что ударил его, наклонился над нокаутированным, стараясь привести его в чувство. Но ничего сделать не успел, так как и сам в одно мгновение был тяжело нокаутирован. Мужики слегли вповалку и успокоились настолько, что Георгию Алексеевичу хватило времени сходить на дачу и принести верёвку. Мужиков он крепко связал и для надёжности привязал к берёзе, предварительно раздев их по пояс. А раздел для того, чтобы злые ночные комары их хорошенько покусали. Пытка комарами является, пожалуй, одной из самых изощрённых и результативных. Мужики и часа не выдержали, как дико заорали, стали просить о пощаде.

Георгий Алексеевич, хоть и догадывался, что это дело рук коварного Сергея Михайловича, но не был твердо уверен в этом, так как считал, что тот достаточно труслив, чтобы пойти на такое. Однако понимал, что трусость является вечным провокатором жестоких и коварных поступков. Поэтому Георгий Алексеевич и прибег к такой пытке, чтобы окончательно убедиться в своих предположениях. Мужики пытались молчать на этот счет, так как находились под страхом расправы со стороны Сергея Михайловича. Однако второе зло - беспощадные комары уже расправлялись с ними, и это заставило мужиков признаться.

- Нас попросил это сделать один мужик.
- Кто он, знаете?
- Нет.
- А, как выглядит?
- Такой небольшой, толстый, лысый...
- И всё?
- А чё еще-то?
- Ну, допустим, что-то особенное в поведении, в одежде, в разговоре.
- Во-о-о! – воскликнул один из них. – Он «р» не выговаривает.

- И ещё, - добавил второй, - он тёмные очки носит, такие большие, не пол-лица.

- А на чем он вас сюда привёз?

- На машине.

- Я хотел спросить – на какой?

- На навороченном джипе.

- Номер запомнили?

- Номер блатной – одни семёрки.

Геorgию Алексеевичу этой информации хватило, чтобы окончательно убедиться, что это Сергей Михайлович.

Он развязал мужиков и отпустил на все четыре стороны.

Сергей Михайлович был недалеко и слышал весь этот разговор. И, когда Георгий Алексеевич отпустил мужиков, он опрометью бросился к машине, чтобы поскорее отсюда уехать. Но совсем немного не добежал до машины, споткнулся и упал, как подкошенный. Сердце его остановилось...

* * *

Несколько дней у Георгия Алексеевича болела голова. Но это не мешало ему размышлять об этом странном даре, который кроме неприятности ничего хорошего, ни ему, ни людям не принёс.

Зачем он нужен, этот дар? С какой целью он у него появился? И, что с ним дальше делать? Эти и другие подобные вопросы постоянно преследовали его. Но вразумительных ответов он так и не мог найти. Почему именно смерть людей появляется в его видениях, а ни что иное? Допустим, появились бы предвидения какого-то успеха, достижения, в конце концов, богатства, что ли. А тут – смерть, и всё! Зачем это предвидеть? Ведь природа создала человеческое сознание так, что знать о времени кончины своей ему не дано. Иначе жизнь была бы безрадостной, пустой, а то и просто невыносимой. Ожидание смерти – это не ожидание рождения, хотя и то, и другое – явления вполне естественные. Всё в мире рождается, живёт и умирает. Природа очень умно и мудро поступила – дала возможность знать время рождения, чему люди рады; и саму жизнь, которой люди тоже рады, хотя и не все, конечно. А, ври смерть... Ей, пожалуй, никто не рад, даже те, кто по какой-то причине, не рады этой жизни. Жить всем и всегда хочется! Умирать – нет!

Вскоре головная боль у Георгия Алексеевича прошла, а с нею и ушли эти видения. Однако иногда Георгий Алексеевич возвращался к раздумьям о прошлых видениях. И, как всегда, задавал один и тот же вопрос: «Зачем же, всё-таки, были они, эти бессмысленные, видения?»

Но ответа так и не находил. Но он понимал, что в природе ничего бессмысленного не бывает. А поэтому – в этом был какой-то смысл...